

Н.В. Гришина
(Челябинск)

Урал в научной и бытовой повседневности столичных историков

Современные исследователи, изучая генерации историков, все чаще обращаются к их социальной и научной повседневности, научному быту, укладу жизни, совокупности обычаев, привычек и нравов ученых. В данной статье предпринята попытка наметить черты научной и бытовой повседневности историков в конце XIX – начале XX вв., их культурных и поведенческих практик применительно к Уральскому региону. В результате в сферу нашего внимания попали такие составляющие жизни и творчества ученых как место жизни, работы, проведения досуга, территория реализации общественных, образовательных и научных инициатив.

Некоторые известные в качестве столичных на рубеже XIX–XX вв. историки являлись уроженцами уральских городов. В Челябинске родился и вырос Е.Ф. Шмурло, чья творческая биография была связана с Петербургским университетом. А.А. Кизеветтер, питомец Московского университета, хоть и родился в Петербурге, но детские и юношеские годы провел «на песчаных степных берегах полуазиатского Урала» – в Оренбурге, который называл своей «духовной родиной»¹.

Образ Урала, как места проведения досуга, в сознании историков был наделен положительными чертами. С конца XIX в. Урал становится весьма популярным регионом для путешествий, отдыха и восстановления здоровья. В 1889 г. Кизеветтер вместе с братом совершил путешествие по Уралу, во время которого прошел курс кумысолечения в башкирской деревне. В одном из частных писем историк описал свое путешествие, насытив его замечаниями этнографического характера: «Доехав до Нижнего по жел. дороге, мы сели на паром и спустились до Казани, ... завернули на Каму и Белую и доехали до Уфы. Переночевав в Уфе, доехали на перекладных до г. Стерлитамака (да Стерлитамака, существует такой город!), сделав без всякого антракта и подкрепления пищей 154 версты. В окрестности сего города, в башкирском ауле, можно сказать, вне границ цивилизации – прожили мы 9 дней, занимаясь питьем кумыса и наблюдениями за жизнью-бытием башкир, от которых я остался в полном восторге. Это – красивый, веселый, общительный народ. Беда только в том, что башкиры беспечны и ленивы, в чем и сами сознаются, их обычное времяпрепровождение заключается в сидении на корточках на улице и изощрении своего остроумия, которым – надо им отдать справедливость – они обладают в значительной степени.

Мы очень близко сошлись со всеми обитателями нашего аула, и на все наши прогулки были сопровождаемы целую гурьбою башкир. <...> По отзывам всех местных старожилов, они – народ вполне добродушный, если не вызывать в них раздражения несправедливым обращением. Местная же русская администрация своею грубостью и взяточничеством сплошь и рядом вызывает их на бунты и разные насилия над русскими чиновниками»².

В 1893 г. по Уралу путешествовал С.Ф. Платонов. В своих письмах он в превосходной степени отзывается об уральской природе и красотах края: «Дорогою все восхищался: и долина Миасса, и горы Златоуста и далее – очень хороши! Около Златоуста утром мы вошли в туман, который, с солнечным теплом, превратился в облака, и эти облака поползли, подымаясь по самому городу Златоусту и по горам. Это было удивительно хорошо. Я на спал ни ночь, ни день до самой Уфы...» Эта поездка, в которую Платонов отправился после смерти новорожденного сына, произвела на него благотворное влияние: «Я починил свои нервы Уралом (что за прелесть!)...»³

Шмурло также не раз путешествовал по Уралу, в основном вместе с братом Геннадием. Учитывая известность его семьи в Челябинске, каждый приезд историка рассматривался как локальное культурное событие. Например, в 1911 г. газета «Голос Приуралья» сообщила своим читателям, что в город «из научной поездки по Алтаю» вернулся «учен.-кор. Академии наук в Риме Е.Ф. Шмурло», и что «поездка дала много интересных материалов»⁴.

Значимыми были общественные инициативы историков на Урале. В 1890-х гг. по территории нескольких уездов Южного Урала прокатился голод. Шмурло организовал в Санкт-Петербурге сбор пожертвований в фонд помощи голодающим⁵. Кроме того, он пытался привлечь внимание общественности к проблеме голода в своей публицистике. Голод в Челябинском уезде в 1892 г. нашел отражение в одном из очерков Шмурло серии «голодного года»⁶. В 1898 г. на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» историк освещал борьбу с новой вспышкой голода в Уфимском и Стерлитамакском уездах. Шмурло считал, что ликвидация последствий голода – забота государственного уровня. Если устройство столовых, убежищ для матерей-кормилиц, детских приютов и ночлежек, по мнению Шмурло, являлись «вопросом человечности, гуманности», то «обсеменение полей» – всецело «вопрос государственный»⁷. За сухими страницами статистических данных и сравнительных характеристик урожаев разных лет, которые описывает в своих очерках историк, просматривается душа автора. Описывая нужду в селе Петровском Кипельской волости Челябинского уезда, Шмурло заметил: «С-каким радостным чувством, окрыленный надеждами, ехал я сюда, когда мне удалось по дороге в Петербурге, собрать для бедняков несколько со-

тен рублей – и как ничтожны показались эти деньги здесь, каким бессильным явился я перед самим собою!.. Тут и тысячи рублей будут малою каплею»⁸.

Статьи Шмурло получили большой общественный резонанс⁹. Очерк о голоде в Челябинском уезде занял особое место среди его публикаций. Данный очерк стал не только попыткой автора привлечь внимание к проблемам Южного Урала, но и продемонстрировал его желание открыть Челябинск, ставший «начальным пунктом будущего великого пути» – Транссибирской магистрали, для всей «мыслящей России»¹⁰.

Еще одной стороной научной повседневности столичных историков можно рассматривать их участие в распространении научных знаний в провинции. С 1890-х гг. по стране прокатилась так называемая «лекционная эпидемия», когда ученые из столичных университетов гастролировали по городам и весям России с публичными лекциями. Докатилась она и до Урала. В июле 1911 г. на учительских курсах в Перми десять лекций по теме «Л.Н. Толстой в связи с общественными вопросами своего времени» прочитал профессор Петербургского историко-филологического факультета Бороздин, автор многих статей по истории литературы¹¹.

Апогеем научных и образовательных инициатив должно было стать открытие на Урале собственного университета. Открытию предшествовали длительные переговоры. В 1915 г. в Пермь должен был эвакуироваться Юрьевский (Тартуский) университет. Для реализации этих планов велись официальные переговоры между Пермской городской управой и Министерством народного просвещения, осуществлялся сбор средств на нужды будущего университета. Для усиления общественного резонанса были изданы две брошюры «Заря высшего просвещения на Урале – университет в Перми» и «Почему в случае эвакуации Юрьевский университет должен быть переведен в Пермь и что для этого необходимо?». Однако уже в момент начала эвакуации решение было изменено и вагоны с университетским инвентарем направились в Воронеж¹². Несмотря на сбой в эвакуации в Пермь Юрьевского университета, инициатива не была забыта. В 1916 г. в Перми появился филиал Петроградского университета. Сразу после открытия университета в Пермь среди первой когорты лекторов был откомандирован историк Б.Д. Греков, а весной 1917 г. к чтению лекций приступил Г.В. Вернадский. Открытие в Перми филиала Петроградского университета стало значимой образовательной инициативой, положившей начало распространению высшего образования в Уральском регионе, а также продолжившей формирование на Урале научных и исследовательских центров.

Открытие нового университета и работа в нем были сопряжены со многими трудностями. Греков отмечал бытовую неустроен-

ность жизни. В письме от 19 октября 1916 г., месяц спустя после переезда в Пермь, Греков писал, что у него до сих пор нет квартиры и «трудно пристроиться, чтобы сесть и написать... Скоро, впрочем, конец моим мытарствам, и у меня будет и свой стол и свой стул. Я смогу заниматься». Однако не только отсутствие бытовых условий беспокоило историка. «Университет открыли. Только действует он вяло. Книг нет. Помещение плохо приспособлено. Если бы книги – было бы очень хорошо... война причина, все объясняющая», – сокрушался историк. «Работаю научно очень мало». Собственные книги, высланные из Петрограда 18 сентября, еще не получены, «готовлюсь к лекциям по своим собственным запискам. Просеминарскую работу еще не начинаю. Свою собственную работу тоже»¹³. Не радовал Грекова и внешний вид города: «Улицы пермские похожи на улицы Лесного, на которые я показывал Вам во время гуляния. Мощеные улицы не все. Мощенные очень грязны, только мороз и снег уничтожают эту грязь»¹⁴. Внешний вид города в описаниях Грекова ничуть не изменился за несколько десятилетий. Одна из учениц В.О. Ключевского, волею судеб оказавшаяся в Перми в 1890 г., также отмечала провинциализм города¹⁵. В то же время воспоминания Вернадского рисуют уральский административный центр несколько по-иному, как город довольно высокой культуры, что у столичных жителей вызвало даже некоторое удивление. Вернадский здесь нашел научно-интеллектуальную среду, некоторые представители которой были выходцами из Петербурга. Атмосфера провинциального города вполне содействовала его погружению в исследовательскую работу, а жена получила возможность заниматься вокалом.

Вопрос о сложности научной работы в провинции волновал многих историков. Например, М.М. Богословский в одном из писем размышлял о «неизбежной черте провинциализма», которая состоит в необходимости ученого, работающего далеко от центра приближать изучаемый вопрос «к небольшому запасу провинциального архива, тогда как в центральном архиве мы подыскиваем материал к вопросу, поставленному во всю ширину»¹⁶. Но в то же время историки понимают, что без местных архивных материалов невозможно реконструировать всю полноту исторического прошлого. Выступая на съезде представителей губернских архивных комиссий, Платонов так обозначил эту позицию: «Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни, и надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять как должно явления местной социальной или даже государственной жизни»¹⁷.

Революционные события начала XX в. пришли в провинцию с опозданием, но, конечно, вместе со всей страной изменили и повсед-

невную жизнь историков. 1917 г. прошел в провинции довольно спокойно. Например, до захвата в Перми власти большевиками, Вернадский констатировал в ней «изобилие продуктов»¹⁸. Греков также писал: «Что тут действительно хорошо – это еда. Недорого и много (т.е. сравнительно недорого: за 1 р. 20 к. обед из 4-х блюд, зато фунт мяса 2 рубля, четверть молока 1 р. 50 к.)...»¹⁹ Ситуация изменилась с приходом большевиков: «Жизнь сразу резко переменилась. Продукты начали исчезать с рынка»²⁰. Последнее обстоятельство заставило Вернадского, предупрежденного о возможном аресте, сначала укрываться вместе с семьей в глухой деревне, а в июле 1918 г. спешно уехать в Москву. Напряженная политическая атмосфера столицы и болезнь отца вызвали необходимость поездки Вернадских в Киев, что впоследствии определило их движение в Крым, а потом – за границу. Схожий сценарий отъезда из Перми просматривается в жизненной коллизии Грекова, покинувшего город «в одночасье, ночью, без вещей, в чужом тулупе»²¹, видимо, сразу после первых признаков активизации местной ЧК. Через некоторое время оба историка нашли пристанище в Симферополе – в Таврическом университете.

Другие представители исторического сообщества осознанно выезжали из столиц в провинцию, в том числе на Урал, где надеялись пережить голодные и беспокойные времена. Например, такое решение принял представитель московского исторического сообщества Д.Н. Егоров, отправившийся в Екатеринбург. Однако бегство в провинцию не дало ему бытового и снабженческого облегчения. Его возвращение в Москву в 1921 г. описал в своем дневнике Готье: «На этих днях приехали А.И. Яковлев из Симбирска и Д.Н. Егоров из Екатеринбурга. Суммируя их рассказы, можно видеть, что провинция сера до невероятия, что господство принадлежит самым темным и диким элементам, что то, что осталось из культурного населения, или прячется, или нравственно подавлено»²².

Подобные поездки, кроме их прямого назначения, являлись культурным фоном революции, на котором происходили рефлексии историков; они становились источником новостей в виде слухов и собственных наблюдений, привозимых в столицу. Зачастую, именно они, являясь единственным способом получения информации о ситуации в провинции и наоборот, активно обсуждались и находили отражение в мемуарном наследии многих историков. По воспоминаниям Готье, именно Егоров, вернувшись из Екатеринбурга, поведал среде историков подробности о гибели царской семьи, которые были официально подтверждены через десятилетия. «Все были расстреляны или, точнее, застрелены по приговору какого-то трибунала; но убиты без издевательств. Тела увезены и сожжены», – фиксировал новость Готье²³.

Примечания

¹ Кизеветтер А.А. Воспоминания: Часть 1. Оренбург, 1866–1884 гг. (1920-е гг.). / НИОР РГБ. Ф. 566. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 33, 34.

² НИОР РГБ. Ф. 351. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 1 – 3.

³ Цит. по: Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век: Монография / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2002. С. 133.

⁴ Голос Приуралья. 1911. 28 августа.

⁵ Синакевич О.В. Жили-были. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 163. Ед. хр. 316. Л. 174.

⁶ Шмурло Е.Ф. Нужда в Челябинском уезде // Летописцы земли уральской. Челябинск, 1997. С. 129–148.

⁷ Там же. С. 147.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Публицистические заметки Е.Ф. Шмурло о голоде на Южном Урале были изданы отдельной книгой: Шмурло Е.Ф. Голодный год. Письма в С.-Петербургские ведомости (1889–1899). М., 1900.

¹⁰ Шмурло Е.Ф. Нужда в Челябинском уезде. С. 129–130.

¹¹ Верхованцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий статистический очерк. 3-е издание, исправл. и дополн. Пермь, 2002. С. 83.

¹² См., подробнее: Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки / Под ред. М.Г. Нечасова. Пермь, 2000. С. 142–143.

¹³ Цит. по: Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. Том 1. Отечественная история. Москва–Иерусалим, 2000. С. 215–216.

¹⁴ Там же. С. 216.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 34. Ед. хр. 84. Л. 1–2 об.

¹⁶ Письма М.М. Богословского И.Ф. Рыбакову / НИОР РГБ. Ф. 714. К. 3. Ед. хр. 3. Л. 3об.

¹⁷ Платонов С.Ф. Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. СПб., 1914. С. 44.

¹⁸ Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории, 1995. № 1. С. 143, 144.

¹⁹ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. Том 1. Отечественная история. Москва–Иерусалим, 2000. С. 215–216.

²⁰ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 143.

²¹ Цит. по: Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 335.

²² Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 456.

²³ Там же.